

UDC 821.112.2

Space Mythologize in Elias Canetti's Autobiography

Elena M. Shastina

Kazan (the Volga Region) Federal University, Russia
423600 Yelabuga, st. Kazan, 89
PhD, Professor
E-mail: shastina@rambler.ru

Abstract. The article considers the problem of space mythologize in the oeuvre of Austrian writer and Nobel Prize Laureate Elias Canetti (1905–1994). Canetti's birthplace – Bulgarian city Ruse appears in the artist's autobiography in the form of a simulated mythological space.

Keywords: Ruse; mythogenesis; mythological space; "author's mythology"; "transformation" mythologem; autobiographical myth.

«Вряд ли мне удастся передать многоцветие тех ранних лет в Руцуке, силу испытанных в нем переживаний и страхов. Все, что ни случилось со мной позже, было уже раз изведено в Руцуке» [1]

Введение. Творчество австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии, Элиаса Канетти (1905–1994), чья жизнь практически «вобрала» в себя век ушедший, не перестает удивлять читателя и по сей день. Столетний юбилей Канетти, отмечающийся в 2005 году, послужил поводом для «новой волны» публикаций, как самого Канетти, так и о нем. Художник такого масштаба не мог в своем творчестве не коснуться проблем человеческого бытия, непреходящих, вечных, позволивших ему смело шагнуть в новое столетие, не утратив своей значимости и актуальности.

Материалы и методы. Фраза из первой книги автобиографической трилогии «Спасенный язык» („Die gerettete Zunge“), выбранная автором статьи в качестве эпиграфа, как нельзя лучше отражает заявленную проблему. В жизни каждого большого художника «географическое пространство» – место его физического и духовного обитания, занимает исключительно важное место. Прага Ф. Кафки, Дублин Дж. Джойса, Нью-Йорк О. Генри, Петербург Достоевского, Гоголя и Белого – перечень может быть продолжен – города и имена, неразрывно связанные друг с другом, не мыслятся одно без другого. И, если одному городу «повезло» больше, если он – «знакомый до слез» – вмещает и автора и его героев, оживает, впитывая лишь только ему одному присущую ауру, сохраняя при этом индивидуальность – свою и авторскую, то о нем можно и нужно говорить, как о некоей субстанции, породившей художника, являющейся живительным источником, подпитывающим его душу и воображение.

У Канетти таких мест – *Lebensstationen* – не мало. Кому повезло больше – городу или писателю – не так и важно, главное повезло читателю, который бродит вместе с Канетти по Руцук и Вене, по Берлину и Цюриху, по Лондону и Марракешу, и повсюду находит свое – то, что искал давно и долго, свое неизведанное пространство, свой мир, узнает следы дорогих мест и местечек в полотне художественных произведений. Писательский дар преобразует их до неузнаваемости и все же они есть, они узнаваемы в деталях, в общей тональности, часто несут на себе основную смысловую нагрузку. Такой предстала, например, Вена в романе Канетти «Ослепление» („Die Blendung“) [2] – вымышленный город с реалиями австрийской столицы.

Художественный мир Канетти – особая система координат, факты жизни и фрагменты «жития» художника, являются лишь точками на пересекающихся пространственных и временных плоскостях. Неудивительно, что Канетти, описывая свою жизнь, почти всегда отталкивался от географического места, где разворачивались важнейшие события, случались неожиданные встречи и потери. Первая книга автобиографической трилогии «Спасенный язык» состоит из пяти частей, которые выстроены в биографическом времени и пространстве. Так, первая часть называется «Руцук» (1905–1911), вторая «Манчестер» (1911–

1913), далее идет Вена (1913–1916), в последующих главах речь идет о пребывании в Цюрихе в период с 1916 по 1921 гг. В данном случае Канетти не нарушает жанровые рамки автобиографии, если не считать некоторые отступления от хронологии.

Итак, часть книги посвящена городу Руцку (сегодняшнее название Русе), расположенному в Болгарии в низовьях Дуная, где 25 июля 1905 года в семье Жака и Матильды Канетти родился будущий писатель, которому волею судеб суждено было прославить австрийскую литературу. Из истории известно, что Болгария с XIV века входила в состав Османской империи, находилась под влиянием Турции и даже после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Болгария была поделена, о настоящей суверенности не могло быть и речи. Только в 1908 году Болгария была провозглашена независимым государством, после чего начался расцвет торговых отношений с европейскими странами. Богатые торговцы отстраивали свои дома по образцу австрийской столицы. Следует отметить, что Вена являлась в то время культурным центром Европы. И то, что родители Канетти получили образование в Вене, не было редкостью, так как культурная элита Болгарии тесным образом была связана с Австрией.

Руцук к началу XX века представлял собой достаточно крупный торговый центр. Этому способствовало благоприятное географическое положение, развитое судоходство, сеть железных дорог, связывающая портовый город со всей Европой.

Попытка ответить на вопрос, что же такое было изведено там, в городе детства, что всё прожитое покажется зрелому Канетти вторичным, является, несомненно, важной. Воспоминания пишутся, как известно, тогда, когда за плечами богатый жизненный опыт, когда, оглядываясь назад, можно многое сказать не только о дне вчерашнем, но и о дне сегодняшнем, а иногда и заглянуть в будущее.

Обсуждение. Очевидно, что Руцук представляет собой некое смоделированное пространство, которое мифологизируется автором в соответствии с его мироощущением. Канеттиведом хорошо известна «увлеченность» писателя мифами. Освоение мифа становится для писателя методом познания окружающей действительности, поскольку под мифом он понимает не только «старый миф», описания обычаев, ритуалов и церемоний примитивных народов и исчезнувших культур, но и исторические сообщения о путешествиях, дневники, биографии, а также описания из психиатрической практики.

Канетти создает собственные мифы, которые в качестве «навязчивых тем» присутствуют во всех его произведениях. Автобиография не является исключением. Канетти участвует в создании собственного автобиографического мифа. В юбилейный год вышла монография П. Ангеловой [3], посвященная мифологическому мышлению Канетти, проявляющемуся на разных уровнях, в том числе и на уровне автобиографических текстов. Созвучна мысль К.-П. Цеппа, который полагает, что все произведения Канетти состоят из мифов: роман «Ослепление», драмы, книга «Масса и власть», «Голоса Марракеша» и «Недреманное ухо. Пятьдесят характеров», автобиографическая трилогия, заметки – все вместе свидетельствуют о мифологическом мышлении автора [4, 42].

Биограф Канетти С. Ханушек приходит к выводу, что «эмоциональный фундамент мифологического мышления» (*das emotionale Fundament für sein mythisches Denken*) был заложен именно в Руцке [5, 43]. Не последнюю роль сыграли сказки, легенды и мифы, которыми было наполнено его детство. Именно благодаря этому богатству сложилось мировосприятие будущего художника. Особенно запомнились сказки о вампирах и вервольфах, которые рассказывали болгарские девочки, живущие в доме Канетти.

Спасенный язык – это сквозная метафора, отражающая главную тему первой книги автобиографической трилогии. Преодолев физический страх за свой язык, Канетти наслаждается возможностью говорить. Оттолкнувшись, раз и навсегда, от чисто антропологической функции языка, писатель развивает тему языковых отношений в обществе. В книге «Спасенный язык» это решается в различных ракурсах. «Многоцветие» жизни находит отражение в языке. Руцук являет собой подобие вавилонского столпотворения, когда «семь или восемь языков можно было услышать в один день» [6, 10]. Кроме болгар, было много турок, живших обособленно целыми районами, а также греков, албанцев, армян, цыган, румын и даже русских. Лучшая подруга матери, Ольга, была русской. Не отсюда ли у Канетти тяга к слушанию, к акустическому восприятию мира?

Многоязычье Руцук составляет эмоциональный фон, на котором протекает детство писателя. Таким образом, центральная тема книги «Спасенный язык» связана с возможностью говорить, донести до слушающего или читающего некий смысл, заложенный в слове, поскольку язык является неисчерпаемым источником божественной мудрости. Предки Канетти были сефардами, испанскими евреями, изгнанными в XV веке из Испании, им удавалось на протяжении веков сохранять свою самобытность – они не «растворились» в котле многоязычья, в котором варилась вся Европа, в большей степени благодаря собственному языку – спаниоле или ладино – варианту древнеиспанского языка. Сефарды жили достаточно обособленно, сохраняя кастовое превосходство по отношению к другим евреям. Это был первый язык общения в семье, наряду с болгарским и турецким, позднее на ладино говорили Элиас и его жена Веца, урожденная Таубнер-Кальдерон.

Но для Канетти это еще и возможность сохранить немецкий язык. В речи в Баварской академии изящных искусств в связи с присуждением ему литературной премии (1969) Канетти скажет: «Я всего лишь гость в немецком языке, который я выучил только в восьмилетнем возрасте...» [7, 62]. Находясь в языковом водовороте Руцук, будущий писатель сделал первые шаги в сторону великой немецкой культуры. Сказки, услышанные на болгарском языке, позднее трансформировались в сознании ребенка, он смог их вспомнить только по-немецки. Немецкий язык – «волшебный язык», язык любви, на нем говорили родители, чтобы быть наедине, находясь среди людей, быть, в первую очередь, непонятыми детьми. Это разжигало интерес у мальчика, жадно впитывающего незнакомые звуки непонятного языка, которые он, стараясь запомнить, твердил вслух, заучивая наизусть целые предложения.

Канетти представляет Руцук «городом, полным, чудес». Он рисует его глазами ребенка. «Детский взор не мог охватить все это многообразие, но я постоянно испытывал на себе его воздействие» [8]. В 2011 году болгарский режиссер Иван Станев реализовал немецко-болгарский проект – постановку спектакля по мотивам автобиографии Канетти «Руцук – Спасенный язык» («Rutschuk – Die gerettete Zunge»). Актеры двух театров – Руцук и Оснабрюка – попытались воссоздать атмосферу средневекового города, который, подобно легендарной Атлантиде, всплывает в памяти писателя [9].

Результаты. Помимо «старого мифа» в картине города проступают авторские мифологемы. Сосредоточенность на главных темах (превращение, власть, масса, смерть и др.), которые стали глубинными в произведениях Канетти и основой его художественного мира, дает основание говорить о специфической индивидуальной или авторской мифологии писателя, которая представляет собой систему мифологем. Он оперирует собственными темами, мифологизирует их, подчиняя их логике повествования.

Основой авторской мифологии выступает категория превращения. Метаморфоза, превращение, преображение выступает сквозным структурным и смысловым принципом в творчестве Канетти, виртуозно воплощаемым на самых разных уровнях. Пространство Руцук наполнено превращениями разного рода. Языковое многообразие, первое столкновение со смертью (эпизод с кухней Лаурицей, которую он был готов убить, поскольку та препятствовала его восхищенному восприятию написанного слова, угроза смерти самого Канетти от страшных ожогов) и людской массой (приход цыган на двор его деда). Суть любви и ревности также впервые проявилась в Руцук, и даже угроза Апокалипсиса, связанная с кометой, за полетом которой в страхе следил весь город, тоже случилась здесь.

Заключение. Книга «Спасенный язык», вышедшая в 1977 году, стала настоящим бестселлером. Успех книги можно объяснить удачным сочетанием того, как описана жизнь ребенка, наполненная событиями внутреннего и внешнего плана, и то, как представлена эпоха, в которой жил герой [10, 461]. Стоит лишь добавить, что жизненный опыт, приобретенный в Руцук, выстроился в сознании художника в стройную систему, где, как и в жизни, есть «поэзия и правда», миф и реальность.

Примечания:

1. Канетти Э. Из книги: «Спасенный язык»: Пер. Г. Туралиной // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 142.

2. Канетти Э. Слепление. Пер. с нем. С. Апта; Предисл. Д. Затонского; Комментар. Т. Федяевой. СПб.: Симпозиум, 2000. 597 с.
3. Angelova P. Elias Canetti. Spuren zum mythischen Denken. Wien: Paul Zsolnay Verlag, 2005. 318 s.
4. Zepp K.-P. Privatmythen und Wahn: Das mythologische Konzept im Werk Elias Canettis. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris: Lang, 1990. 265 s.
5. Hanuschek S. Elias Canetti. Biographie. München-Wien: Carl Hanser Verlag, 2005. 800 S.
6. Canetti E. Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. 1994. 333 s.
7. Канетти Э. Пароксизмы слов: Пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 62-66.
8. Канетти Э. Из книги: «Спасенный язык»: Пер. Г. Туралиной // Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 142.
9. Schnell A. Wie das legendäre Atlantis // nachtkritik.de 28.01.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nachtkritik.de/index.php?option=com_content&view=article&id=5197:rustschuk-die-gerettete-zunge-nivan-stanev-elias-canetti-theater-osnabrueck&catid=38:die-nachtkritik&Itemid=40 (дата обращения – 4.01.2012).
10. Szell Z. Elias Canetti // Österreichische Literatur des 20. Jhs: Einzeldarstellungen (von e. Autorenkollektiv unter Leitung von Horst Haase u. Antal Mädl). 1.Aufl. Berlin: Volk und Wissen, 1988. S. 461-479.

УДК 821.112.2

Мифологизация пространства в автобиографии Элиаса Канетти

Елена Михайловна Шастина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия
Елабужский институт
423600 г. Елабуга, ул. Казанская, 89
Доктор филологических наук, профессор
shastina@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема мифологизации пространства в творчестве австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905–1994). Родина Канетти – болгарский город Руцук предстает в автобиографии художника в виде смоделированного мифологического пространства.

Ключевые слова: Руцук; мифотворчество; мифологическое пространство; «авторская мифология»; мифологема «превращение»; автобиографический миф.